

The background is a dark, brownish-grey surface with a prominent cracked and pebbled texture, resembling aged leather or stone. In the upper center, there is a faint, rectangular frame containing a portrait of a woman's face, looking directly forward with a neutral expression. To the left of this frame, the back and right shoulder of a woman with long, light brown hair are visible, appearing to be part of the same textured surface.

*Вадим
Кучеренко*

БЕГСТВО

18+

Вадим Кучеренко

Бегство

«Автор»

2019

Кучеренко В. И.

Бегство / В. И. Кучеренко — «Автор», 2019

Пытаясь избежать неприятных разговоров, Анна спасалась бегством из дома каждый раз, когда приезжала мама ее мужа. Эти несколько дней она предпочитала проводить, путешествуя по разным городам и странам - и встречаясь с другими мужчинами. Но сама Анна считала эти измены оправданными, потому что она совершала их из любви к мужу...

© Кучеренко В. И., 2019

© Автор, 2019

Вадим Кучеренко

Бегство

– Куда на этот раз? – спросил Анну муж, улыбаясь с деланной веселостью, словно он шутил. – В Европу или Азию? Где еще не ступала твоя нога?

Было раннее утро. В окно кухни виднелось низко нависшее над землей бледно-серое влажное петербургское небо. Они завтракали. Их разделял только маленький столик, и Анна могла видеть глаза Андрея. Они были грустными и немного встревоженными. Словно у перепуганного зайца, с неожиданной неприязнью подумала она. Но быстро справилась с нахлынувшим чувством враждебности и улыбнулась в ответ.

– В Австралии, в Африке, на Бали, – ответила она, заботливо, как и положено примерной жене, подливая в его чашку свежесваренного кофе. – И еще много где не ступала моя красивая ножка. Но благодаря твоей маме она везде побывает...

Это было жестоко, Анна это знала, но не смогла удержаться.

Каждые полгода, а то и чаще, к ним приезжала мама ее мужа, Аделаида Марковна, и гостила несколько дней, превращая жизнь Анны в ад. Не было ни одного дня, чтобы Аделаида Марковна не заводила разговора о быстротечности жизни и своем желании понынчить внуков, пока она еще жива. При этом она бросала колкие, словно кинжалы, взгляды на Анну и ее красивое гибкое тело никогда не рожавшей женщины. Первые шесть или семь лет замужества Анна терпеливо сносила эту пытку. Но потом, после долгого ночного разговора с мужем, и с его молчаливого согласия, Анна начала уезжать на эти критические, как она сама их называла, дни из дома куда-нибудь подальше от Санкт-Петербурга – в другой город, в другую страну, иногда даже на другой континент. Она путешествовала под предлогом то служебной командировки, то внезапно предложенной работавшей в турагентстве подругой «горящей» путевки по смешотворно низкой цене, так что нельзя было отказаться, то по другой, наспех выдуманной, но внешне благовидной причине. Порой эти вынужденные вояжи оказывались очень некстати для самой Анны, у которой из-за этого возникали проблемы на работе. Она работала в небольшом художественном салоне и считалась лучшим менеджером по продаже произведений искусства, обладая талантом заставить покупателя взглянуть на картину не его, а своими восхищенными глазами, после чего тот легко расставался с деньгами, не жалея о них, но радуясь покупке. Когда Анны не было, продажи неизменно падали, что отражалось на доходах салона и, соответственно, на зарплатах всех сотрудников, которые из-за этого заочно дружно искренне невзлюбили Аделаиду Марковну. Но Анну все-таки отпускали, ценя ее безотказность в любое другое время, и она спасалась бегством, чтобы сохранить свой брак с Андреем, которого она, несмотря ни на что, любила и не хотела его терять. До замужества у Анны было много мужчин, даже лица которых давно уже стерлись из ее памяти, и ничего, кроме разочарования, они ей не приносили. И Анна понимала, что так будет и после Андрея, если она расстанется с ним – короткое очарование, быстрое разочарование и едкая горечь одиночества, разъедающая душу. И так будет продолжаться, пока ее душа не скукожится и не превратится в высохший пергамент, способный рассыпаться в пыль при одном неосторожном прикосновении. Анна не хотела, чтобы ее душа превратилась в пыль. Несколько ужасных дней в году, которые ей надо было пережить, не стоили такой жертвы.

Андрей жалобно поморщился, как это бывало всегда, когда он слышал что-то неодобрительное о своей матери, пусть даже тщательно завуалированное. Могло показаться, что он сейчас заплачет. И слезы закапают в его чашку с кофе, которую он держал в руке, сделав его горьким. А он очень любил сладкое, словно ребенок. Увидев это, Анна пожалела его, как пожалела бы своего ребенка, будь он у нее, и поспешно добавила:

– Но вот незадача – в Австралии сейчас слишком холодно, в Африке – слишком жарко. А на Бали внушает опасения вулкан Агунг.

– И что не так с этим вулканом? – невольно улыбнулся Андрей. Он не мог долго сердиться на Анну.

– Дымок над ним в последнее время стал намного гуще, как утверждают все четыре с лишним миллиона жителей этого благословенного островка. А вдруг начнется извержение, подобное тому, что когда-то погубило Помпею? Не хотелось бы мне свариться в кипящей лаве, как пампушке в масле, и оставить тебя безутешным вдовцом. Даже несмотря на то, что...

Анна хотела сказать очередную колкость про его маму, которую такой вариант развития событий, несомненно, обрадовал бы, дав надежду на новую женитьбу сына и долгожданных внуков, но опять сдержалась. Это вошло у нее уже в привычку – укладывать свои мысли на прокрустово ложе и безжалостно урезать их, прежде чем высказать мужу. Мир и покой в семье были для нее дороже истины, чтобы там ни говорили все древнегреческие философы вместе взятые.

Муж смотрел на нее своими встревоженными заячьими глазами, догадываясь, о чем она хотела сказать, и безропотно ожидая ее мучительных для него слов, не решаясь прервать или возразить, но она только улыбнулась ему и сказала:

– Поэтому на этот раз я еду в Москву. И недалеко, и недорого, что очень кстати, поскольку до моей зарплаты еще как до Луны китайским космонавтам. Пройдусь по московским музеям и художественным салонам. А вдруг увижу что-то необыкновенное. Например, неизвестную картину Малевича. Какой-нибудь голубой квадрат.

Анна помолчала, словно давая мужу время обдумать сказанное, а затем спросила:

– Ты проводишь меня в аэропорт? Я улетаю завтра утром. Заодно встретишь свою маму. Придется подождать всего два или три часа в терминале.

Андрей обрадовался, и из его глаз исчезло чувство тревоги.

– Разумеется, – сказал он. И с нежной заботливостью спросил: – А где ты будешь жить в Москве?

– Закажу номер в гостинице, – с самым беспечным видом ответила она. – С видом на Ботанический сад. Давно хотела побродить по его аллеям осенью, когда деревья только начинают менять свой цвет. Невообразимое буйство красок взамен скучно-однообразной зелени.

– Жаль, что я этого не увижу, – вздохнул Андрей. И совершенно неожиданно для Анны спросил: – Ты вернешься?

Она с изумлением посмотрела на мужа и спросила:

– Ты это о чем?

– То есть я хотел спросить, когда ты вернешься? – поспешно поправился он, глядя на нее преданными тоскующими, уже не заячьими, а собачьими глазами. – Извини, оговорился.

– Когда уедет твоя мама, – сухо ответила Анна. – Дня через три-четыре.

Анна подумала, что оговорка мужа не была случайной, если верить старине Фрейду, но не стала углубляться в психологические размышления, слишком мало времени оставалось до отъезда, а надо было еще так много успеть. Мама Андрея всегда сообщала о своем приезде неожиданно, за день или два, словно надеясь однажды застать Анну врасплох и не дать ей времени на бегство. Но делать Аделаиде Марковне такой подарок Анна не собиралась. Даже из любви к мужу.

Послав мужу воздушный поцелуй, Анна вышла из дома. Утро было обычным для Санкт-Петербурга, серым и блеклым, под стать ее настроению. Моросил нудный дождик, который промочил ее до нитки, пока она добралась до художественного салона, в котором работала последние несколько лет. Салон был маленький и уютный, и работа ей нравилась. Анна продавала картины, в основном молодых малоизвестных художников, делая их модными, и они

щедро платили ей благодарностью и любовью, пока были бедными, и забвением, когда деньги начинали течь в их карманы полноводной рекой. Она не обижалась, смотря на жизнь как истинный философ, и продолжала, подобно Сократу, брести по Санкт-Петербургу с незримым факелом в руке, отыскивая все новых и новых непризнанных гениев. Силы Анны питала любовь к искусству и мысли, что это придает ее жизни смысл.

В салоне в столь ранний час не было ни одного покупателя, и Анна сразу прошла в кабинет директора. Маленький рыхлый мужчина с изнеженными ручками и пухлыми пальчиками, унизированными перстнями с разноцветными камнями, встретил ее появление радостной улыбкой, которая сошла с его крошечных губ, как только Анна заговорила.

– Ты не понимаешь, о чем просишь! – плачущим голосом возопил он, словно взывая Анну к состраданию. – Работать абсолютно некому. Мариночка в отпуске, Юлечка неожиданно приболела. Кто будет продавать картины? Вся надежда была только на тебя, Анечка! И вот ты буквально вонзаешь мне нож в спину.

Но Анна, обычно неизменно уступавшая, на этот раз была непреклонна.

– А почему бы вам не тряхнуть стариной, Аарон Самуилович, и самому не встать за прилавок? – сказала она с улыбкой, желая подсластить пилюлю. – Всего на три дня. Продавать картины у вас получается не хуже, чем у меня. А за это я, как раб на галерах, буду работать все новогодние праздники и даже ни разу не пискну.

– Это святая истинная правда? – с сомнением спросил Аарон Самуилович, словно боясь поверить своему нежданному счастью.

– Клянусь мамой мужа, – вздохнув, сказала Анна.

Аарон Самуилович с сочувствием посмотрел на нее.

– Она опять приезжает и, как всегда, внезапно? – спросил он.

В их маленьком коллективе хранить секреты было невозможно, и все знали о каждом всю подноготную. Анна молча кивнула. Глаза Аарона Самуиловича слегка увлажнились, словно он собирался заплакать. Но он сдержал свои эмоции. И деловито спросил:

– Куда бежишь на этот раз?

– В Москву, в Москву! – театрально заламывая руки, прокричала Анна, имитируя одну из чеховских сестер.

Аарон Самуилович махнул на нее рукой, то ли благословляя, то ли прогоняя. И Анна, послав ему воздушный поцелуй, вышла из кабинета, грациозно покачивая бедрами. Но, закрыв дверь, сразу сменила модельную походку на торопливый шаг. Главное дело она сделала, но оставалось много других, не менее важных. Ей надо было заказать номер в гостинице и билет на самолет, а потом пройтись по магазинам и купить новое платье, в котором она будет покорять Москву. Она опасалась, что может не успеть.

Они расставались на несколько суток, и в эту ночь Андрей, как заботливый муж, старательно исполнил свой супружеский долг перед их недолгой, но все-таки разлукой. Этого, как обычно перед своим отъездом, пожелала Анна, однако Андрей думал, что инициатива исходит от него. Это была незапланированная ночь любви, вызванная скорее форс-мажорными обстоятельствами, чем потребностью в физической близости, и удовольствия она доставила обоим мало. В полночь они уже мирно спали, повернувшись, по обыкновению, друг к другу спинами и закутавшись каждый в свое одеяло. На личном одеяле в свое время настояла Анна, а Андрей, как обычно, не протестовал, несмотря на то, что в первые месяцы их брака он предпочитал засыпать, обнимая Анну и ощущая своим телом ее. Но это мешало спать Анне, и он смирился. Впрочем, как и со многим другим в их семейной жизни, где первую скрипку неизменно играла Анна.

В аэропорту Анна позволила мужу поцеловать себя только в щеку, смущаясь присутствием множества других людей. Андрей не обиделся, он знал, что его жена, несмотря на свою

эффектную внешность, очень скромна и даже не по современному стыдлива во всем, что касается внешних проявлений любви. Он долго махал ей рукой на прощание, даже когда она уже затерялась за спинами других пассажиров рейса Санкт-Петербург – Москва.

Время полета для Анны пролетело незаметно. Ее развлекал сосед, имеющий вид человека преуспевающего и очень самоуверенного. Это был молодой мужчина лет тридцати, в дорогом костюме и с массивными золотыми часами на худосочном запястье. Звали его Кирилл, что в переводе с греческого значило «властный, могущественный», о чем он сразу же сообщил Анне, знакомясь с ней. Кирилл был словоохотлив, но не слишком умен. Как только самолет взлетел, он, желая завязать разговор, спросил Анну, не боится ли она летать.

– Лично я чувствую себя намного увереннее на земле, – сказал он с таким видом, словно доверял ей великую тайну.

– А я бы хотела быть птицей, – взглянув в иллюминатор, в который были видны похожие на невиданных зверей и часто меняющие свой облик облака, сказала Анна. – Вить гнезда, растить птенцов, учить их летать. Но, наверное, тот, кто создал людей, не случайно не дал им крыльев и всего, что к ним прилагается.

Кирилл с удивлением посмотрел на нее, видимо, не поняв, какое отношение имеет к его вопросу ее ответ. Но это его не смутило.

– Вы были бы прекрасной птицей, – сказал он, думая, что делает ей комплимент. И, меняя тему, спросил: – Вы москвичка?

– Я бедная Санкт-Петербургская провинциалка, – сказала Анна. – И мне очень нужен Вергилий, который провел бы меня по всем кругам московского ада.

Намек был очень прозрачен. Как ни глуп был мужчина, но он понял его. Он достал визитную карточку и, удерживая ее двумя пальцами, протянул Анне.

– Позвоните мне, когда у вас появится желание прогуляться по Москве в чьей-либо компании, – сказал он. – И пусть меня зовут не Вергилий, но я ничуть не хуже его в определенном смысле.

– Заманчивое предложение, – сказала Анна, читая надпись на визитной карточке, золотую на черном фоне. Самым крупным шрифтом было набрано название банка, в котором Кирилл работал мелким клерком. – Я подумаю над ним на досуге, Кирилл. Да, кстати, забыла спросить – у вас есть дети?

– Двое, – ответил он после короткой паузы, словно преодолев искушение солгать. И с тревогой спросил: – Это что-то меняет?

Анна покачала головой.

– Не беспокойтесь, Кирилл. В Москве у меня будет всего три или четыре дня. И как минимум один из них – ваш.

– Обещаете? – настойчиво спросил мужчина, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Пообещайте мне!

– Будьте доверчивы, как птицы поднебесные, они ни сеют, ни жнут, а им всё дается, – ответила с улыбкой Анна.

– Это что-то библейское? – нахмурился Кирилл.

– Это из Нагорной проповеди, но не совсем дословно, – пояснила Анна.

– А вы случайно не из тех религиозных фанаток, которые бродят по квартирам и вербуют сторонников в свою секту? – с подозрением взглянул Кирилл на нее.

– Нет, я не сектантка, и даже не монашенка, – успокоила его Анна. – Простите меня за эту неудачную цитату, Кирилл. Думаю, в нашем с вами случае мне стоило вспомнить Марка Твена, сказавшего однажды, что в рай стоит идти ради климата, а в ад – ради компании. Mea culpa.

– Что? – озадаченно спросил мужчина. Он явно не знал латыни. Разговор выходил за грани его понимания, и это его нервировало.

– Моя вина, – повторила Анна уже по-русски. – Мне нравится ваша компания. А вам моя?
– Очень, – пылко ответил Кирилл и словно ненароком положил свою ладонь на ее колено. – Я счастлив, что встретил вас.

– У-у, как мало вам надо для счастья! – изобразив разочарованный вид, сказала Анна. – И уберите, пожалуйста, свою руку подальше от моей ноги. А то стюардесса может подумать о нас что-то не очень пристойное.

– Неужели вас это волнует? – недовольным тоном спросил Кирилл, убирая руку.

– Может быть, вас это удивит, но я чрезвычайно дорожу своей репутацией, – сказала Анна без тени иронии.

Они поболтали еще немного о разных пустяках, а затем объявили посадку.

– Меня встречают, и я не смогу вас проводить, – сказал, словно оправдываясь, Кирилл. – Но помните, я буду ждать вашего звонка!

– Постараюсь не забыть, – ответила Анна, разочарованно прикусив нижнюю губку. Она надеялась, что уже этим вечером Кирилл пригласит ее куда-нибудь, быть может, даже в ресторан. Но настаивать не имело смысла, как и ждать, что ее новый знакомый изменит свое решение. Скорее всего, в аэропорту его ждали жена и дети. Анна с деланной веселостью помахала мужчине рукой и, не дожидаясь, пока он поднимется с кресла, своей самой грациозной походкой направилась к выходу из самолета, ощущая на своей спине оценивающий мужской взгляд. В узком проходе между креслами это было не так просто, но она старалась и с честью выдержала испытание.

Анна добралась на аэроэкспрессе до Белорусского вокзала, пересела на метро и долго ехала, чувствуя себя до ужаса беспомощной. Она не любила замкнутые пространства, даже в кабину лифта входила с внутренним содроганием. С облегчением вышла из вагона на нужной ей станции. Прогулка до гостиницы доставила ей удовольствие, даже чемодан, который она катила за собой, почти не мешал выглядеть в глазах встречающих мужчин беспечной, привлекательной и юной.

Одноместный номер, в который Анна поселилась, был достаточно комфортен, чтобы она смогла прожить в нем несколько дней, не тоскуя о своей уютной квартирке в Санкт-Петербурге, из окон которой была видна Нева. Она скинула с себя всю одежду и встала под душ, чтобы смыть со своего тела дорожную грязь и избавиться от запаха мужа, если тот еще остался на ее коже и волосах. Обычно запах Андрея ей даже нравился, Анна любила его вдыхать, когда лежала с мужем в постели, перед тем, как заснуть, но не затем она бросила свой милый дом и прилетела в Москву, чтобы предаваться воспоминаниям о счастливой семейной жизни. В предстоящие ей несколько дней Анна желала забыть о прошлом и собиралась жить так, словно его никогда и не было.

– Имею на это право, – упрямо прикусив губу, чтобы ненароком не расплакаться, шептала Анна, не чувствуя, как по ее телу бегут обжигающие струи воды. Ее терзала другая боль, душевная, заглушавшая все внешние болезненные ощущения.

Выйдя из ванной комнаты, она взяла мобильный телефон и написала смс-сообщение мужу. «Долетела благополучно, очень устала, приняла душ, ложусь спать. Люблю, скучаю, целую». Подумав, что Андрею это будет приятно, дописала: «Привет маме». И отправила сообщение, вздохнув с таким облегчением, словно скинула с плеч тяжкую ношу.

Однажды они договорились о том, что во время путешествий Анны, как дипломатично Андрей называл ее бегство из дома, они будут не перезваниваться, а только обмениваться смс-сообщениями. Так им обоим было удобнее. И не только из-за возможной разницы во времени. В этом случае можно было не опасаться, что ее звонок раздастся некстати, и мама Андрея, оказавшись поблизости, вмешается в их разговор, перехватив у сына телефон и инициативу. Аделаида Марковна умела это делать с необычайной ловкостью. Это была властная женщина, с

зычным голосом и негибаемой волей, приобретенной ценой многолетних скитаний с мужем-военнослужащим по дальним гарнизонам, отстоящим от цивилизации и мегаполисов намного дальше, чем питекантроп от Альберта Эйнштейна. Из всех своих качеств, которые помогли ей выжить и преуспеть в жизни, Аделаида Марковна ничем не поделилась с сыном, родив мягкосердечного, почти безвольного мальчика, который больше всего на свете боялся обидеть кого-нибудь неосторожным словом или поступком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.